

Научная статья
УДК 94(47).082
doi: 10.17223/19988613/96/5

Яков Стефанович в 1878–1879 гг.: невыученные уроки «Чигиринского дела»

Олег Анатольевич Милевский

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия, olegmilevsky@mail.ru

Аннотация. Рассматривается революционная активность Якова Стефановича в 1878–1879 гг. На основе изучения источников исследуется его деятельность по созданию в России «народно-революционной организации», выясняется его роль в расколе «Земли и воли» и создании народнической организации «Черный передел». На основе анализа ситуации вокруг «Черного передела» осенью–зимой 1879 г. делается вывод о том, что попытка реализации на практике идеи Стефановича, почерпнутой из чигиринского опыта, оказалась утопичной, что стало одной из важных причин дальнейшего упадка этой организации.

Ключевые слова: революционное движение, народничество, «Чигиринское дело», «народно-революционная организация», «Земля и воля», «Черный передел»

Для цитирования: Милевский О.А. Яков Стефанович в 1878–1879 гг.: невыученные уроки «Чигиринского дела» // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 34–42. doi: 10.17223/19988613/96/5

Original article

Yakov Stefanovich in 1878–1879: unlearned lessons of the “Chigirin affair”

Oleg A. Milevsky

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation, olegmilevsky@mail.ru

Abstract. The article on the basis of a large complex of sources reconstructs the period of life of the narodnik revolutionary, main initiator of the “Chigirin plot” Y. Stefanovich in 1878–1879.

The purpose of the article is to study in detail Stefanovich's activity, analyze his doctrinal views and reveal his role in the processes of transformation of program and tactical constructions of Russian revolutionary-narodniks organizations of the late 1870s.

The paper examines the revolutionary biography of Stefanovich after the failure of the “Chigirin affair”, the arrest and then the escape of its main organizers from the Kiev prison castle on the night of May 26–27, 1878. Much attention is paid to Stefanovich's stay in Geneva, where he collaborated in the journal of the Bakunist narodniks called “Commune”. His activity in Russia in July–August 1879 during the period of the aggravated ideological and theoretical crisis in “Land and Liberty” is studied in detail. Based on the surviving testimonies of the participants of those events, the author shows that Stefanovich's popularity among the supporters of the old apolitical “Land and Liberty” and his desire to realize his ideas at any cost played an important role in the split of “Land and Liberty”.

In August 1879, being one of the leaders of the new Narodnik organization “Black Repartition”, Stefanovich and his associates tried to repeat the Chigirin attempt in practice, but failed in the implementation of these plans. In turn, the failure of this endeavor and the arrests that have started led to the mass emigration in early 1880 of the leading core of the Black Repartition, including Stefanovich, and the actual shutdown of the organization of the Black Repartition.

In conclusion, the unlearned lessons of the “Chigirin affair” and the mythologized notions about the revolutionary potential of these places, replicated mainly by Stefanovich, played a cruel joke with the supporters of the “Black Repartition”. By all means, holding to the idea of creating a “people's revolutionary organization” based on Stefanovich's models, the “Black Repartitionists” proved to be untenable both theoretically and practically. Trapped in the “utopia of Stefanovich”, they de-facto passed into historical oblivion, having failed to realize their plans for work in the countryside.

Keywords: Revolutionary movement, Narodничество, “Chigirin affair”, “People's Revolutionary Organization”, “Land and Liberty”, “Black Repartition”

For citation: Milevsky, O.A. (2025) Yakov Stefanovich in 1878–1879: unlearned lessons of the “Chigirin affair”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 96. pp. 34–42. doi: 10.17223/19988613/96/5

Период конца 1870-х гг. во многом оказался судьбоносным для дальнейшего развития российского освободительного движения. Это было время ожесточенных дискуссий о магистральных путях русской революции, где сталкивались две противоборствующие точки зрения. Первую из них представляли ортодоксальные «землеvolьцы»-деревенщики, стоявшие преимущественно на бакунистских позициях. Вторую олицетворяли революционеры-политики, делавшие ставку на террор. Центром политического движения первоначально являлся Киев, где в 1878 г. начал активно действовать «Исполнительный комитет русской социально-революционной партии», созданный Валерианом Осинским [1].

Важную роль в процессах, происходивших в российском революционном лагере на переломном его этапе в 1878–1879 гг., играл Яков Васильевич Стефанович. Фигура Стефановича ранее уже привлекала внимание историков [2. С. 138–140, 145–148; 3], но представляется, что его участие в событиях указанного периода нуждается в дополнительном уточнении. Поэтому целью данной статьи стало детальное изучение деятельности Стефановича в рассматриваемый период времени – анализ его доктринальных взглядов и выявление его роли в процессах трансформации программно-тактических построений российских революционно-народнических организаций конца 1870-х гг.

Широко известным революционной России имя Стефановича стало в связи с организованным им в 1876–1877 г. «Чигиринским заговором». Сегодня фактическая канва этого «детища» Стефановича хорошо изучена [2; 4. С. 120–198], и нет смысла останавливаться на нем подробно. Стоит только напомнить, что это была попытка народников-бунтарей использовать ситуацию с аграрными беспорядками, продолжавшимися с начала 1870-х гг. в Чигиринском уезде Киевской губернии [5, 6], чтобы поднять крестьян на открытое выступление против власти при помощи подложного царского манифеста. Организатором этого рискованного и циничного плана «монархической мистификации» выступил Стефанович, а помогали ему Л.Г. Дейч и И.В. Бохановский. Следует отметить, что это дело, несмотря на его явную авантюристичность, оказалось самым удачным из всех начинаний бунтарей-бакунистов. Стефанович и его друзья, выступавшие в обличье «царских комиссаров», смогли за 1876–1877 гг. объединить в созданной ими «Тайной дружине» до 1 150 крестьян [7. С. 77], а само крестьянское восстание планировалось начать 1 октября 1877 г. [8. Л. 2].

Однако этот грандиозный проект реализовать так и не удалось. Власти смогли раскрыть это революционное предприятие. 31 августа 1877 г. в Киеве они арестовали одного из «царских комиссаров» Бохановского [9. Л. 50], а далее благодаря его оплошности (удалось перехватить переданную им через уголовного на волю записку и ключ от квартиры на Ивановской улице [8. Л. 2 об.]) жандармы вышли на след Стефановича и Дейча. В результате 3 сентября 1877 г. в деревне Талалаевке, в имении Н.А. Полетики, под именами Дмитрия Лашкевича и Евгения Санина [9. Л. 117] полицейским удалось задержать Стефановича и Дейча.

Эти аресты положили начало громкому «Чигиринскому делу». Оно быстро обрело известность среди широкого круга революционеров и вызвало в их рядах жаркие дискуссии [4. С. 198–225]. Фигура Стефановича как идейного вдохновителя этого крайне спорного с точки зрения тогдашней революционной этики предприятия сразу же выдвинулась на первые роли в революционном лагере. Ругали его или им восхищались, но в тогдашних радикальных кругах все говорили о нем и его детище. Очевидец тех событий С.М. Кравчинский совершенно справедливо написал в очерке о нем: «В описываемое время Стефанович был в апогее своей славы» [10. С. 368].

Еще больший ореол значительности «чигиринцы» обрели после удачно устроенного им силами «кружка Осинского» побега из Киевского тюремного замка. Все подробности его организации (побег состоялся в ночь с 26 на 27 мая 1878 г. – *О.М.*) М.Ф. Фроленко весьма детально описал в своих воспоминаниях [11].

Находясь в тюрьме и имея регулярное сообщение с волей, организованное Осинским, Стефанович перенес на бумагу историю подготовки «Чигиринского заговора». Там же он, по-видимому, начинает всерьез размышлять об «уроках Чигирина», делает первые наброски своих мыслей по поводу создания народно-революционной организации и передает их на волю. По крайней мере после ареста Осинского 24 января 1879 г. и обыска на его квартире жандармы обнаружили небольшой чемодан, в котором находились нелегальные издания в количестве 81 штуки [12. С. 96]. Среди них оказалась и рукопись «под названием “Дело о волнении Чигиринских крестьян 1875 г. по поводу введения люстрационных актов” на 64 страницах, заключающая в себе отчет заседания Киевской соединенной палаты за июнь 1875 г., дополненный примечаниями автора; часть второго экземпляра той же рукописи на 12 листах; рукопись под названием “Чигиринское дело, крестьянское общество, тайная дружина, опыт революционно-народной организации” на 44 страницах, заключающая подробное изложение от имени государственного преступника Стефановича действий его при образовании в среде крестьян нескольких волостей Чигиринского уезда тайного общества с целью восстания и организации этого общества» [1. С. 434].

При этом, как отмечали дознаватели, «у Бойкова (под этим именем скрывался Осинский. – *О.М.*) при обыске найден этот отчет (имеются в виду записки Стефановича о Чигиринском деле. – *О.М.*), готовый в рукописи для печатания, на почтовой бумаге переписанный отличным почерком и не оконченный набело» [13. Л. 22 об.]. Это и дает возможность с большой долей вероятности предположить, что первоначально Стефанович о «Чигиринском заговоре» написал в киевской тюрьме, а не позднее для «Черного передела», и тогда же передал Осинскому. Осинский его переписал своим отличным почерком и готовил к изданию в нелегальной типографии в Киеве. Если бы эту рукопись Стефанович писал уже за границей, то как она могла попасть в руки Осинского, ранее уже арестованного? Да и после побега Стефановича из тюрьмы Осинский больше с ним не виделся.

В своих воспоминаниях и размышлениях о «Чигиринском деле» Стефанович после описания ситуации, сложившейся в Чигиринском уезде на конец 1875 г., отмечал, что он «задался целью, прежде всего внести в этот тупой протест революционный элемент... на значительно уже подготовленной почве... задумал создать революционную организацию, на знамени которой были бы начертаны желания народа – “Земля и воля”» [14. С. 146]. Но надеяться на это можно было, только «руководствуясь следующим началом: приравниваться в своем образе действий к характеру крестьянского мирозерцания, не вносить ничего такого, что переворачивало бы вверх дном те основы, с которыми сжился и к которым привык народ» [14. С. 147], иначе говоря, обратиться к традиционно присущей «народному монархизму» вере в доброго и справедливого царя! Из дальнейших описаний Стефановича видно, что в таком ключе он и начал действовать, постепенно готовя для чигиринских крестьян «царскую легенду». В дальнейшем это вылилось в создание «Тайной дружины», состоящей из местных крестьян.

Анализируя дальнейший характер работы с крестьянами-дружинниками, Стефанович указывал и на слабости такой формы тайного общества, в том числе и недостаточное участие революционеров во внутреннем устройстве созданной ими организации. По его мнению, «единственным средством направлять внутреннюю жизнь Общества представлялось поселением в местах, где существовала Дружина, нескольких интеллигентных революционеров в качестве простых дружинников» [14. С. 206]. Помимо этого, при быстро численно возраставшей организации причинами ее уязвимости им признавались слабость конспирации и болтливость некоторых ее членов, излишняя тяга к алкоголю отдельных дружинников, «для чего пришлось ввести обязательным ограниченное употребление водки» и даже рассматривалась идея об «уничтожении шинков», а также вражда отдельных личностей между собой, вызванная в том числе «честолюбием и корыстолюбием атамана» (в его роли выступал Ефим Олейник. – *О.М.*) [14. С. 206–208].

Однако видимые трудности и неурядицы при устройении этого дела и в конечном счете его провал не смутили Стефановича. В жизненности своих идей его убеждали и беседы в тюрьме с некоторыми «дружинниками», в частности с одним из самых активных, его он называет К. (имеется в виду Кузьма Прудкой. – *О.М.*). Стефанович указывал: «Узнав в тюрьме, что за народ идет много “образованных” людей из панов, слыша о выстрелах в Трепова, Котляревского, об убийстве Гейкинга, заключенные дружинники говаривали: “Не теперь, так в четверг буде і на нашій вулиці празник”. На мои расспросы, каково настроение масс в настоящее время, К. отвечал, что все притихло, присмирело, но, прибавлял он, и застывшую смолу ничего не стоит зажечь» [14. С. 213].

Подобные беседы окончательно убедили Стефановича в правильности выбранного им пути, и он задумал повторить попытку. После побега «чигиринцы» решили на время уехать за границу. Для Стефановича эта поездка представлялась особенно важной. В заграничном

далеке он хотел спокойно осмыслить и обобщить для возможного дальнейшего использования чигиринский опыт. Путь за границу лежал через Санкт-Петербург. В столице беглецы пробыли около месяца [10. С. 370]. Время пребывания Стефановича в Северной Пальмире стало для него «зенитом славы». Оно в основном оказалось наполненным рассказами о «Чигиринском деле» и теоретическим спорами, которые несколько не поколебали Стефановича в его *idée fixe* – создании «народно-революционной организации». Более того, он убедился, что для части народнического лагеря стал непререкаемым авторитетом как знаток крестьянской психологии и искушенный революционный практик.

В июле 1878 г. беглецы окончательно определились относительно своих ближайших планов. Решено было отправиться в Швейцарию. Через границу группу, куда кроме трех «чигиринцев» входил также И.Я. Павловский, переправлял А.Я. Зунделевич [15. С. 155], «державший границу» для «землевольцев». Как вспоминал впоследствии Дейч, во время этого путешествия у нас «с ним происходили горячие споры относительно революционной деятельности в России» [16. С. 127].

Переход через границу благодаря ловкости Зунделевича проблем не вызвал. И уже в конце июля троица друзей оказалась в «мекке» тогдашней эмиграции – Женеве [17. С. 88]. Там друзья разделились. Стефанович и Дейч, имевшие поручение к Д.А. Клеменцу от Кравчинского, отправились к последнему в горы. Вскоре они оказались в нескольких часах езды от Женевы в горном шале над долиной Роны в кантоне Валлис. Их встретила теплая компания русских революционеров, среди которых кроме Клеменца и его возлюбленной А.М. Эпштейн находилась давняя близкая подруга «чигиринцев» В.И. Засулич, а также их общая знакомая М.А. Тургенева и доктор И.И. Добровольский с супругой. «Чигиринцы» привезли для новых друзей «приветы» из России, а для Клеменца – письма от Кравчинского [17. С. 92], и рассказали о его плане покушения на шефа жандармов Н.В. Мезенцова [17. С. 89].

После выполнения этого поручения и небольшого отдыха в Альпах Стефанович, как и остальные, активно включился в общественную жизнь народнической эмиграции. В это время в Женеве уже выходил журнал «Община» [18. С. 5], служивший органом сторонников бакунизма. Клеменц играл важную роль в его редакции [19. С. 68]. Он являлся автором «Объявления» об издании «Общины» (15 января 1877 г.), ставшего фактическим обоснованием теоретической платформы журнала [20. С. 150–151]. В этом «Объявлении» с поправкой на изменившиеся реалии Клеменц писал, что «организация протестующих сил народа, возбуждение протестов, агитация против злоупотреблений должны идти в деятельности социалистической партии рука об руку с пропагандой», но главное – надо готовить «боевую организацию и борцов для революции» [20. С. 151]. А это уже было в чем-то созвучно и идеям Стефановича о создании «народно-революционной организации».

Поэтому вполне естественно, что подробности «Чигиринского дела» очень интересовали всех лиц, группирующихся вокруг «Общины». К работе в изда-

нии активно подключился и Стефанович. Первоначально он совместно с друзьями по побегу, а также Засулич и Кравчинским выступил с письмом-опровержением в редакцию «Общины» по поводу действий бланкистского издания «Набат» (20 октября 1878 г.).

Этот печатный орган приписывал все акты политического террора в России, начиная с выстрела в Трепова и кончая убийством Мезенцова, действиям централистской организации, органом которой это издание выступало [21. С. 1]. В открытом письме его авторы указывали на ложность подобных заявлений, а в заключение прямо отмежевывались от «Набата», указывая, что участники этих акций «ни к какому “Обществу народного освобождения” не принадлежали» и что «у русских социалистов-революционеров ни с издателями “Набата”, ни с теориями, которые они проводят, ничего общего быть не может» [21. С. 1].

И все же главное внимание Стефанович в Швейцарии уделял продвижению в широкие массы российских революционеров чигиринского опыта, тем более что ему было прекрасно известно об эффекте, произведенном этим предприятием в народническом лагере. Об этом свидетельствовала и землевольческая периодика.

Немало места уделил «Чигиринскому заговору» в своей передовой статье в № 1 «Земли и воли» (25 октября 1878 г.) Кравчинский. При всей двойственности оценок этого дела, звучавших в этой статье, свое обращение к подобной практике Кравчинский заключал словами, весьма красноречиво свидетельствующими о знаковости чигиринских событий для революционеров-народников: «Делу этому подобно делу Засулич суждено быть одним из поворотных пунктов в истории русской революции. Как дело Засулич разом изменило характер нашей борьбы с правительством, так это дело изменит характер нашей деятельности в среде народа» [22. С. 77].

Естественно, что такое внимание ведущего российского революционного органа не могло не греть душу честолюбивого и амбициозного Стефановича. Все свои мысли и идеи по этому поводу он и озвучил на страницах «Общины» в концептуальной статье.

Начал ее Стефанович с краткого экскурса в историю народнического движения с начала 1870-х гг. Далее он сформулировал причины охлаждения к деятельности в народе и переноса действий революционеров в другие сферы. По его мнению, они крылись в следующем. Во-первых, незнание собственного народа, а также и то, что «наши приемы пропаганды социализма, средства нашего практического образа действий заимствованы нами из Запада». Из первого вытекало и второе – то, что «при постановке очень широко задачи наших действий мы столкнулись с умственной и нравственной стороной русского народа; столкнулись – и нашли в ней преграду, о которую большая часть наших усилий должна была разбиться. Мы увидели, что русский мужик полон всевозможных предрассудков». Стефанович имел в виду его крайнюю религиозность, веру «в доброго царя», домашний деспотизм и т.п. [23. С. 34].

По его мысли, революционеры должны в своей работе среди селян особенно учитывать экономическую сторону вопроса, а именно то, что «русский мужик

исключительно земледелец» и в отношении его к земле и коренится «основной дух народа, задатки того или другого будущего». Все эти мысли автор подкреплял традиционными для классического народничества рассуждениями о природе общины, подавая дело таким образом, что «экономический принцип общины – это уничтожение права наследственности в землевладении, а уничтожение права наследства – основная формула социализма» [23. С. 34]. Поэтому отсутствие принципа наследственности земли в Великороссии и является «здоровым основанием для возможности развития в жизни русского народа социалистических форм». Вот это-то начало, по его мнению, и «не обратило на себя нашего главного внимания» [23. С. 34].

Далее на основе выкладок и цитат из разных источников он анализировал проблемы общины и сравнивал ситуацию в Великороссии и Малороссии, отмечая при этом, что хотя в Малороссии общинное земледелие в настоящее время незначительно, но исторически малороссы тоже тяготеют к «общинному духу». Таким образом, резюмировал он в классическом бакунистском духе, «...великорусская и малорусская народности хранят в себе здоровые, жизненные основы дальнейшего развития социально-экономических форм в духе принципов, искони лежащих в основах их быта. Задерживающим началом в этом отношении являются материальная необеспеченность и гнет государства» [23. С. 36]. Исходя из подобного теоретического посыла, он так формулировал революционно-народные требования: «I) Переход всех земель частной собственности в собственность народных общин, каковы они есть в настоящее время. II) Самостоятельность мира, или громады в отправлении всеми общественными функциями, т.е. уничтожение государства» [23. С. 36].

Подведя под свою концепцию создания народно-революционной организации научно-экономический базис, далее Стефанович переходил к революционной конкретике. На основе своего опыта «хождения в народ» он утверждал, что убедился в ненависти крестьян-малороссов к дворянам (панам), чиновникам, различным податям, налогам и т.п. То есть ко всему, что является государственным началом. На основе этого он формулировал следующий вопрос и тут же давал ответ: «Что же после этого выражает народная вера в царя? Это мираж, который рассеется с первым общенародным движением, как и было с Людовиком XVI в Великую Французскую революцию» [23. С. 36].

По мысли Стефановича, простому народу сложно будет самоорганизовываться для борьбы против государства и его слуг за «землю» и «волю». И в таком случае помощь народу социалистов из привилегированных классов должна главным образом оказываться при создании народно-революционной организации [23. С. 37]. Стефанович так сформулировал цель подобной организации сил: «Выдвигая на первый план дело организации во имя созданных самой народной жизнью идеалов, нам кажется, мы тем уже определяем и характер самой организации. Цель ее – практическое осуществление этих желаний, поэтому она должна быть всегда готова к бою» [23. С. 37].

При этом организационная деятельность не сможет быть успешной без знаний местных особенностей народной жизни, и только «приспосабливаясь к ним в своих приемах, мы станем на твердую почву как организаторы крестьянства» [23. С. 37]. В свою очередь, действия революционеров должны быть направлены на постепенное изживание тормозящих дело элементов: «...в сектах религиозный элемент должен вытесняться революционным, подобному тому как в чигиринской “Тайной Дружине” ход организации направлялся так, чтобы значение царя и надежды на него рушились окончательно» [23. С. 37]. Также, по мнению Стефановича, необходимо делать ставку на наиболее выдающихся личностей в народе. Подобные люди более всего способны воспринять идеи революционеров и сблизиться с ними. Исходя из опыта общения с таким фигурами из крестьянской среды, Стефанович заключал, что «в них найдем мы проводников наших мыслей в массе народа, — они являются посредниками между массой и нами» [23. С. 37].

Присущую ему убежденность в том, что чигиринский опыт далеко не закончен, Стефанович сформулировал следующим образом: «Нет сомнения, что народной организации, прежде чем стать могучей, грозной силой, придется пережить много крушений». Но! «Своим участием в жизни организации крестьянин убедится наглядно в необходимости солидарности, узнает на деле всю ее силу и значение. Боевая постановка организации приучает его к мысли о неизбежности революционных путей для осуществления своих желаний... Таким образом, на разрушенных организациях не замедлят вырастать новые по почину уже самих крестьян, подобно тому как у нас на развалинах разгромленных кружков продолжают создаваться новые» [23. С. 37].

Мелким или локальным бунтам он также придавал важное значение, полагая, что «наиболее действительный способ воздействия на людей вообще, в каком бы то ни было направлении, есть путь живого примера» [23. С. 37]. По его мысли, такой способ действий «предпочтительнее перед устной или книжной пропагандой» [23. С. 37]. Поэтому, как полагал Стефанович, нужно максимально активно использовать стихийно вспыхивавшие бунты и всемерно помогать им, расширяя их и придавая им силу в боевом отношении [23. С. 38].

Таким образом, главные цели народных организаций в настоящем, по мысли Стефановича, заключались в следующем: «разрушение государственной централизации, уничтожение частной поземельной собственности, свободная группировка народных масс во имя их интересов, какие присущи им в настоящее время» [23. С. 38]. А далее, как он считал, уже «последующий ход жизни, с устранением гнетущих искусственно созданных влияний, выдвинет на очередь свои практические задачи. Тогда явятся поборники более всестороннего проведения в жизнь идей социализма... Мы же должны стараться достигнуть того, что представляет нам возможным наше время» [23. С. 38].

В концепции «народно-революционной организации», как ее понимал Стефанович, нашли отражение не только идеи М.А. Бакунина и анархистской «про-

паганды действием», но и наблюдения за практиками борьбы аграриев других регионов мира, в первую очередь Ирландии. Возможно, именно из знакомства в библиотеках Швейцарии с информацией об аграрных выступлениях в Ирландии Стефанович, размышляя о способах «пропаганды действием», кроме традиционных указаний на организацию крестьянских бунтов особенно выделял именно факты аграрного терроризма: «Мы не станем изображать разнообразных видов деятельности в той градации, какую, по-нашему, они должны иметь по степени их полезности делу организации народных сил. Упомянем только, что такие факты, как убийства особенно вредных шпионов, шеф ли то или просто становой пристав, возымели бы еще большее значение при организациях в крестьянстве» [23. С. 38].

Несомненно, эта статья не прошла незамеченной как в эмигрантских, так и в российских радикальных кругах. Тем более что журнал «Община» с этой статьей попал в Россию в самый разгар ожесточенных дискуссий «Земли и воли» о дальнейших путях движения. В рассматриваемый период в этой крупнейшей тогда народнической организации все активнее заявляло о себе политическое крыло, и «деревенщикам» в отстаивании своей позиции приходилось ох как нелегко! Особенно ситуация обострилась после неудачного покушения 2 апреля 1879 г. «землеольца» А.К. Соловьева на Александра II.

В воздухе серьезно запахло расколом, и среди «землеольцев» заговорили о необходимости созыва съезда. А пока страсти по выбору дальнейших путей движения кипели как в России, так и за границей. Каждый выход периодического органа «Земли и воли» вызывал среди эмигрантов бурное обсуждение. А обсуждать было что! Это был переходный момент для народнического движения, что и сказывалось на характере издания. Л.А. Тихомиров (тогда один из редакторов «Земли и воли». — О.М.) отмечал, что публицистика организации отражала путаницу, мешанину во взглядах [24. С. 88], и это так, ведь шел поиск новых путей в революционном движении. Следует отметить, что направление издания в то время отнюдь не во всем совпадало с мыслями Стефановича и его окружения. Особенно раздражало их «заигрывание» ряда публицистов-«землеольцев», того же Клеменца, с либералами на почве выдвижения чисто политических требований [25. С. 19].

Можно сказать, что за это время вокруг Стефановича в Швейцарии сложилась небольшая, но весьма сплоченная группа лиц, куда также входили Дейч и Засулич. Конечно, Стефанович рвался в Россию, где, как он небезосновательно полагал, его имя и идеи могли многое решить при выработке тактики и стратегии борьбы революционной партией в новых условиях, сложившихся после выстрела Соловьева.

Съезд «Земли и воли» состоялся в Воронеже с 18 по 21 июня 1879 г [26. С. 249; 27; 28. С. 286–292]. К его открытию «группа Стефановича» прибыть в Россию не успела, но ее влияние незримо ощущалось во всей атмосфере съезда. На «фактор Стефановича» прямо указывал Дейч: «Влияние Стефановича в то время было

велико не только среди народников, но и террористов: все предполагали, что, стоя во главе сравнительно обширной организации, обладавшей некоторым опытом, материальными средствами, связями и пр., ему удастся создать еще более обширное предприятие и не на основе ложного манифеста» [29. Л. 13]. Не зря на третьем заседании съезда Стефановича заочно избрали членом организации [30. С. 429].

Как известно, Воронежский съезд, несмотря на уход с него одного из лидеров «деревенщиков» Г.В. Плеханова, закончился компромиссом [31. С. 184–188]. Однако, как справедливо отмечал Н.А. Троицкий, «достигнутый компромисс не удовлетворял ни одну из сторон. Фактически съезд не только не устранил фракционную борьбу, но, напротив, усилил ее, поскольку он, с одной стороны, подтвердил старую программу и тактику, а с другой стороны, санкционировал внутри общества ядро новой организации со своей программой и тактикой, собственным руководством, печатным органом и материальными средствами» [26. С. 252].

И, конечно, решения съезда не устроили Стефановича, когда он, а также Дейч, Засулич, Г.Ф. Чернявская, О.С. Любатович и Ф.Н. Юрковский [2. С. 146] прибыли в конце июня 1879 г. из-за границы [15. С. 153]. Он сразу же принялся вербовать среди «землеольцев» сторонников своих идей и планов [28. С. 293]. Неудивительно, что ситуация внутри организации начала быстро меняться уже в июле, и вскоре от бывшего стремления к компромиссу не осталась и следа. В такой ситуации как раз и сказывались, с одной стороны, популярность имени Стефановича, а с другой – его стремление к реализации собственных целей, которые в реалиях вредили хрупкому единству «Земли и воли».

Вскоре напряженная обстановка в «Земле и воле» дошла до того, что «хозяйка» землеольческой типографии М.К. Крылова отказалась печатать статьи сторонников нового политического направления [30. С. 429–430]. Угроза раскола становилась реальностью. Однако Стефанович с этим не считался. Наоборот! Он чувствовал себя в родной стихии, ибо исповедовал принцип «цель оправдывает средства». Очень точно эту черту его характера подметил Кравчинский: «При благоприятных обстоятельствах такие люди делают творцами истории. Он обладает в высшей степени редкой способностью управлять массами, что и обнаружилось в Чигиринском деле. Но он не из тех, которые неуклонно идут к цели, подобно пушечному ядру, опрокидывая и сокрушая все на пути. Нет, он предпочитает действовать скрытно, он уступает, когда это нужно, но с тем, чтоб при первом удобном случае наверстать свое» [10. С. 371].

Тем более что он не был кровно связан с «Землей и волей», он ее не создавал, как арестованный уже тогда М.А. Натансон, и не пестовал, как А.Д. Михайлов. Поэтому возможный разрыв его не пугал. Он тогда свято верил в возможность продолжения «чигиринского проекта» на новых основаниях. Да, казалось, и ситуация ему благоволила. По-прежнему неспокойно было в Киевской губернии, где продолжались локальные беспорядки среди крестьян. Достаточно назвать волнения весной–летом 1879 г. бывших крестьян-

чиншевиков в Бердичевском и Сквирском уездах [32. С. 331]. По-прежнему весьма взрывоопасной оставалась обстановка и в Чигиринском уезде. А по жандармским сообщениям, Стефанович и Дейч по возвращении в Россию провели некоторое время в Киеве и Одессе, а затем только направились в столицу [33. Л. 116]. Так что они имели достаточно информации о тамошних событиях и, естественно, держали ее в уме.

В такой ситуации землеольцам-«деревенщикам» казалась вполне вероятной возможность повторения чигиринской попытки, но уже на других условиях и без использования «царской мистификации», а по рецептам, приведенным в статье Стефановича в «Общине». Надежды на успех они, естественно, связывали в первую очередь с именем Стефановича, чьи возможности ими явно преувеличивались. Да и сам он свято верил в «свою звезду». Так что теперь разрыв с «политиками» «деревенщиков» не смущал.

Как отмечал непосредственный участник тех событий О.В. Аптекман, «заграничные товарищи, на которых “деревенщина” возлагала свои надежды, – люди с революционным прошлым и опытностью, – Яков Стефанович, Дейч, Аксельрод и В. Засулич, – тоже встали в оппозицию к террористической деятельности. Разрыв был неизбежен» [34. С. 374]. Этому есть и другие подтверждения очевидцев тех дней, в частности Н.А. Морозова, отмечавшего, что именно «Стефанович, тотчас же присоединившийся к группе народников, сильно способствовал потом распадению “Земли и воли”. Он был очень честолюбив» [30. С. 429].

Думается, что в своей ставке на раскол Стефанович кроме преувеличенного представления о возможностях повторения чигиринской попытки также очень рассчитывал на свою известность в народнической среде, равно как и на популярность «первой террористки» Засулич, для привлечения на свою сторону новых членов. Кстати, именно ее потеря оказалась наиболее болезненной для «политиков», на нее они возлагали особые надежды. Но, как вспоминал Морозов, «она была чрезвычайно дружна со Стефановичем и Дейчем и, перейдя вместе с ними к нашим противникам, вдруг окружила их особенным ореолом в глазах благоволившей перед ней учащейся молодежи» [30. С. 429].

О первостепенной роли Стефановича в окончательном расколе «Земли и воли» свидетельствовал и М.Р. Попов: «Не подвернись Стефанович с надеждами его на то, что в Чигирине вновь возможно будет организовать крестьянство, не прибегая к мистификациям с царскими манифестами, то, вероятно, я остался бы и продолжал мою революционную деятельность со старыми товарищами» [35. С. 198].

Так что в сложившейся ситуации все попытки чести «землеольцев» сохранить единство организации оказывались обреченными на провал. К началу августа 1879 г. обе стороны – и «террористы-политики», и «деревенщики» – чувствовали в себе силы, чтобы двигаться в разных направлениях. В такой ситуации 15 августа 1879 г. в Санкт-Петербурге на последнем собрании «Земли и воли» было принято решение о разделе организации. В состав комиссии по разделу вошли шесть

человек: Тихомиров, А.Д. Михайлов и Зунделевич от «политиков», Г.Н. Преображенский, Попов и Стефанович от «деревенщиков» [26. С. 252]. В результате дальше народники пошли разными дорогами: «политики» стали называться «Народной волей», а сторонники деятельности в деревне – «Черным переделом».

На первом этапе существования «Черного передела», осенью 1879 г., члены этой организации были преисполнены оптимистических планов. Вот как оценивал первоначальный расклад сил Аптекман. В своих воспоминаниях он прямо указывал, что основную надежду «чернопердельцы» связывали именно с проектом Стефановича: «На первых порах надежда улыбалась нам: в наших рядах уже находились с самого основания “Черного передела” Стефанович и Дейч, испытанные практики-организаторы. Они действительно задумали среди чигиринцев новое дело, на иных основах, чем старое. Мы все ожили. Раз, – думали, мы, – за это возьмутся такие люди, как Стефанович и Дейч, успех обеспечен: мы обоснуемся в деревне, заложим фундамент, а молодежь и другие живые силы, глядя на нас, пойдут за нами» [34. С. 385].

Эта же стратегия озвучивалась и в № 1 издания «Черного передела» (8 декабря 1879 г.). Так, в передовице «От редакции» декларировалось следующее: «Ближайшей задачей нашею... должна быть организация... той народно-боевой партии, о значении которой мы уже говорили. Если мы этого не сделаем, если мы к этому не подготовим народ, революционное движение, как всякое стихийное движение, может пройти грозю через всю Россию, не принеся народу ничего существенного» [14. С. 139]. Фактически это было повторение мыслей, ранее высказанных Стефановичем в журнале «Община».

Вообще орган «Черного передела» в самом начале стал буквально рупором идей Стефановича. Так, большую часть № 1 этого издания занимала статья Стефановича «“Чигиринское дело”. Крестьянское общество “Тайная дружина” (опыт революционно-народной организации)». Да это и неудивительно, ведь ведущие позиции в редакции занимали все те же – Стефанович и Дейч [34. С. 387].

Однако дальнейшие события показали, что ставка на повтор попытки «*la* Чигирин» не сработала. Реконструкция в Чигиринский уезд провалилась, революционеры вернулись ни с чем. Они сообщали, что «военное положение создало... в Чигирине такую обстановку, в которой сам черт ноги сломает» [34. С. 386]. Это стало первым тревожным звонком для организации. Как с горечью отмечал Аптекман, «наши грандиозные планы рушились, лопались, как мыльные пузыри. Неудавшаяся попытка Стефановича создать в Чигирине новую организацию, полное отсутствие у нас в то время людей, способных обосноваться в деревне, подрезали тот народнический сук, на котором мы сидели до сих пор» [34. С. 386].

Все это происходило на фоне активных действий «Народной воли». Напомню, что 19 ноября 1879 г. народовольцы произвели взрыв царского поезда под Москвой. В свою очередь, наступательная деятельность этой организации привлекала к ней внимание

народнической молодежи и уводила ее от «Черного передела». Так, Дейч, находившийся в то время на юге России, прямо сетовал, что «в Одессе с молодежью «тихо», что ощущается крайний недостаток в работах» [34. С. 388]. Этот факт стал еще одним свидетельством того, что в изменившихся условиях в конце 1879 – начале 1880 гг. Стефанович и его окружение оказались и теоретическими, и практическими «революционными банкротами». Как справедливо подметил участник народнического, а затем и эсеровского движения Е.А. Серебряков в оценке «Чигиринского дела», «подлог мог иметь значение лишь один раз, пока не открыт, повторение же всегда неудачно» [36. С. 21].

В результате в январе 1880 г. в условиях начавшихся арестов в столице начался отъезд за границу главных деятелей «Черного передела». Почти одновременно разными путями Россию покинули Дейч, Плеханов, Засулич и Стефанович. Аптекман так описывал свои чувства, когда провожал с Варшавского вокзала Стефановича: «Недавно только прощался с Плехановым, а теперь проводил Стефановича. Лучшие люди ушли... а с уходом этих людей с таким именем, с таким прошлым, как у Стефановича, Засулич, Дейча и Плеханова, – душа отлетела от общества, от осиротелого “Черного передела”. И началась уже агония, смерть казалась неминуемой» [34. С. 402–403].

Об идейно-теоретическом и организационном кризисе «Черного передела» свидетельствовала и его печать. Так № 2 «Черного передела» (сентябрь 1880 г.) также оказался наполнен материалами по истории «Чигиринского заговора» (это было продолжение очерка из № 1. – *О.М.*). Хотя в заключение этих очерков редакция и поместила следующую заметку: «Помещая на страницах нашего журнала рассказ о “Чигиринском деле”, мы вовсе не думаем пропагандировать тех средств, какие в нем практиковались. По нашему мнению, дело имеет значение как чрезвычайно важный опыт создания революционной организации среди народа; в этом отношении оно заслуживает особенного внимания русских социалистов и главным образом теперь, когда события грозят увлечь чуть не все революционные силы в борьбу, имеющую очень мало общего с вопросом экономической революции в России (имеется в виду политическая борьба “Народной воли” – *О.М.*). Мы думаем, что этот рассказ должен служить ответом скептикам, сомневающимся в возможности создания революционной организации среди народа и серьезного отношения с его стороны к этой организации» [14. С. 214].

И хотя редакция публично отмежевывалась от «понятия об авторитарном знамени и об агитации во имя идеализированного царя» [14. С. 215], становилось совершенно очевидным, что, обращаясь в качестве примера к чигиринскому опыту, чернопердельцы печатно декларировали тот факт, что реально они ничего другого в настоящий момент своим сторонникам в России предложить не могут.

Очень показательна в этом плане реакция на редакционную политику «Черного передела» члена ИК «Народной воли» Морозова, с иронией писавшего товарищам из-за границы 13 декабря 1880 г.: «На 2-м номере

(«Черного передела». – О.М.) уже очень заметно западничество: половина о заграничных делах. О русских делах – враки, а потом это свое несчастное Чигиринское дело которое они без конца... (слово неразборчиво). Скажи им, пожалуйста, что молодежь ждет в № 3 (Чигиринское дело) – драму, а в 4-м номере Чигиринское дело в стихах» [37. С. 308].

В заключение хотелось бы отметить, что невыученные «уроки Чигирина» и мифологизированные представления о революционном потенциале этих мест,

тиражируемые преимущественно Стефановичем, сыгнали злую шутку со сторонниками революционно-народнической организации «Черный передел». Всеми силами держась за не оправдавшую себя идею создания «народно-революционной организации» по лекалам Стефановича, «чернопередельцы» фактически оказались несостоятельными как в теоретическом, так и в практическом плане. Уверовав в «утопию Стефановича», они де-факто ушли в историческое небытие, мало что сделав в реальности.

Список источников

1. Милевский О.А. Ступени на эшафот. Жизнь и судьба Валериана Осинского, идеолога русского политического террора. СПб. : Алетея, 2023. 560 с.
2. Пелевин Ю.А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1. С.130–150.
3. Милевский О.А., Терехова С.А. На пути к «Чигиринскому заговору»: ранняя революционная деятельность Я.В. Стефановича // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 3 (66). С. 72–90.
4. Терехова С.А. Революционеры-народники и идея «народного монархизма» (на примере «Чигиринского заговора») : дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 2016. 276 с.
5. Терехова С.А. К вопросу об истоках «Чигиринского заговора»: крестьянское движение в Чигиринском уезде Киевской губернии в начале 70-х гг. XIX в. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (25). С. 94–99.
6. Мауль В.Я. Волнения крестьян Чигиринского уезда Киевской губернии в 1870-е гг. (по материалам Государственного архива Российской Федерации) // Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития : материалы всерос. науч. конф. Ростов н/Д : Foundation, 2015. С. 123–128.
7. Дейч Л.Г. Заговор среди крестьян Чигиринского уезда // Исторический архив. 1921. Вып. 1. С. 73–79.
8. Центральний державний історичний архів України (ЦДІА України). Ф. 274. Оп. 1. Д. 157.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 112. Оп. 1. Д. 473.
10. Степняк-Кравчинский С.М. Собрание сочинений : в 2 т. М. : Худож. лит., 1987. Т. 1. 575 с.
11. Фроленко М.Ф. Побег Дейча, Стефановича и Бохановского. М. : Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1924. 16 с.
12. Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1991. 254 с.
13. ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1879 г. Оп. 164. Д. 115.
14. Памятники агитационной литературы. М. –Петроград : Госизд-во, 1923. Т. 1. : «Черный передел»: орган социалистов- федералистов 1880–1881 гг. 355 с.
15. Кан Г.С. Аарон Зунделевич: от раввинского училища к «Народной воле» // Архив еврейской истории / гл. ред. О.В. Будницкий. М. ; Бостон ; СПб. : Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. Т. 12. С. 128–229.
16. Дейч Л.Г. 16 лет в Сибири. М. : Изд-во «Девятого января» Транспосекции, 1924. 360 с.
17. Дейч Л.Г. Один из последних семидесятников // Голос минувшего. 1914. № 6. С. 86–110.
18. Дейч Л.Г. Русская революционная эмиграция 70-х годов. Петроград : Госиздат, 1920. 86 с.
19. Вахрушев И.С. Очерки истории русской революционно-демократической печати 1873–1886 гг. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1980. 232 с.
20. Милевский О.А., Панченко А.Б. «Беспокойный Клеменц» : опыт интеллектуальной биографии. М. : Полит. энцикл., 2017. 695 с.
21. Бохановский Ив., Дейч Л., Засулич В., Кравчинский С., Стефанович Я. Необходимое разъяснение (письмо в редакцию) // Община : социально-революционное обозрение (Женева). 1878. № 8-9. С. 1.
22. Революционная журналистика семидесятых годов. Ростов н/Д : Донская речь, 1907. 312 с.
23. Стефанович Я. Наши задачи на селе (письмо в «Общину») // Община : социально-революционное обозрение (Женева). 1879. № 8-9. С. 33–38.
24. Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. М. : Academia, 2011. 560 с.
25. Дейч Л.Г. Дмитрий Александрович Клеменц. Петроград : Госиздат, 1921. 40 с.
26. Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2002. 372 с.
27. Твардовская В.А. Кризис «Земли и воли» в конце 70-х годов // История СССР. 1959. № 4. С. 60–74.
28. Ткаченко П.С. Революционная народническая организация «Земля и воля». М. : Высш. школа, 1961. 296 с.
29. Российская национальная библиотека. Архив Дома Плеханова (РНБ АДП). Ф. 1097. Оп. 1. Д. 126. .
30. Морозов Н.А. Повести моей жизни. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. Т. 2. 702 с.
31. Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания : в 2 т. М. : Мысль, 1964. Т. 1. 439 с.
32. Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. : сб. док. / под ред. П.А. Зайончковского. М. : Соцэкгиз, 1968. 612 с.
33. ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1877. Д. 262. Ч. 2.
34. Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. Петроград : Колос, 1924. 460 с.
35. Попов М.Р. Записки землевольца. М. : Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. 513 с.
36. Серебряков Е.А. Очерк из истории «Земли и воли». СПб. : Свободный труд, 1906. 60 с.
37. Из истории «Земли и воли» и «Народной воли»: споры о тактике : сб. док. / отв. ред. В.Н. Гинев. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2012. 752 с.

References

1. Milevskiy, O.A. (2023) *Stupeni na eshafot. Zhizn' i sud'ba Valeriana Osinskogo, ideologa russkogo politicheskogo terrora* [Steps to the Scaffold. The Life and Fate of Valerian Osinsky, Ideologist of Russian Political Terror]. St. Petersburg: Aleteya.
2. Pelevin, Yu.A. (2014) *Yuzhnye buntari i "Chigirinskiy zagovor"* [Southern Rebels and the "Chyhyryn Conspiracy"]. *Rossiyskaya istoriya*. 1. pp.130–150.
3. Milevskiy, O.A. & Terekhova, S.A. (2020) *Na puti k "Chigirinskomu zagovoru": rannaya revolyutsionnaya deyatel'nost' Ya.V. Stefanovicha* [On the Path to the "Chyhyryn Conspiracy": The Early Revolutionary Activity of Ya.V. Stefanovich]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 3(66). pp. 72–90.
4. Terekhova, S.A. (2016) *Revolutsionery-narodniki i ideya "narodnogo monarkhizma" (na primere "Chigirinskogo zagovora")* [The Narodnik Revolutionaries and the Idea of "Popular Monarchism" (a case study of the "Chyhyryn Conspiracy")]. History Cand. Diss. Surgut.
5. Terekhova, S.A. (2013) *K voprosu ob istokakh "Chigirinskogo zagovora": krest'yanskoe dvizhenie v Chigirinskom uезде Kievskoy gubernii v nachale 70-kh gg. XIX v.* [On the Origins of the "Chyhyryn Conspiracy": The Peasant Movement in Chyhyryn Uyezd of Kiev Province in the Early 1870s]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4(25). pp. 94–99.

6. Maul, V.Ya. (2015) Volneniya krest'yan Chigirinskogo uyezda Kievskoy gubernii v 1870-e gg. (po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Rossiyskoy Federatsii) [Peasant Unrest in Chyhyryn Uyezd of Kiev Province in the 1870s (Based on Materials from the State Archive of the Russian Federation)]. *Arkhivy i arkhivnoye delo na Yuge Rossii: istoriya, sovremennost', perspektivy razvitiya* [Archives and Archival Studies in the South of Russia: History, Modernity, Development Prospects]. Proc. of the Conference. Rostov on Don: Foundation. pp. 123–128.
7. Deich, L.G. (1921) Zagovor sredi krest'yan Chigirinskogo uyezda [Conspiracy Among the Peasants of Chyhyryn Uyezd]. *Istoricheskiy arkhiv*. 1. pp. 73–79.
8. The Central State Historical Archive of Ukraine (TsDIA Ukrainy). Fund 274. List 1. File 157.
9. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 112. List 1. File 473.
10. Stepanyak-Kravchinskiy, S.M. (1987) *Sobranie sochineniy: v 2 t.* [Collected Works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Khudozh. lit.
11. Frolenko, M.F. (1924) *Pobeg Deycha, Stefanovicha i Bokhanovskogo* [The Escape of Deich, Stefanovich, and Bokhanovsky]. Moscow: Izd-vo Vsesoyuz. o-va politkatorzhan i ssyl'noposelentsev.
12. Novitskiy, V.D. (1991) *Iz vospominaniy zhandarma* [From the Memoirs of a Gendarme]. Moscow: Moscow State University.
13. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 164. File 115.
14. Anon. (1923) *Pamyatniki agitatsionnoy literatury* [Book Monuments of Agitational Literature]. Vol. 1. Moscow; Petrograd: Gos.izd-vo.
15. Kan, G.S. (2022) Aaron Zundeleovich: ot ravvinskogo uchilishcha k "Narodnoy vole" [Aron Zundeleovich: From Rabbinical School to "Narodnaya Volya"]. In: Budnitskiy, O.V. (ed.) *Arkhiv evreyskoy istorii* [Archive of Jewish History]. Vol. 2. Moscow; Boston; St. Petersburg: Academic Studies Press / Bibliorossika. pp. 128–229.
16. Deich, L.G. (1924) *16 let v Sibiri* [16 Years in Siberia]. Moscow: Izd-vo "Devyatogo yanvarya" Tranposektsii.
17. Deich, L.G. (1914) Odin iz poslednikh semidesyatnikov [One of the Last of the Seventiers]. *Golos minuvshogo*. 6. pp. 86–110.
18. Deich, L.G. (1920) *Russkaya revolyutsionnaya emigratsiya 70-kh godov* [Russian Revolutionary Emigration of the 1870s]. Petrograd: Gosizdat.
19. Vakhrushev, I.S. (1980) *Ocherki istorii russkoy revolyutsionno-demokraticeskoy pechati 1873–1886 gg.* [Essays on the History of the Russian Revolutionary-Democratic Press 1873–1886]. Saratov: Saratov State University.
20. Milevskiy, O.A. & Panchenko, A.B. (2017) *"Bespokoynyy Klements": opyt intellektual'noy biografii* ["The Restless Klements": An Experiment in Intellectual Biography]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
21. Bokhanovskiy, Iv., Deich, L., Zasulich, V., Kravchinskiy, S. & Stefanovich, Ya. (1878) Neobkhodimoe raz'yasnenie (ris'mo v redaktsiyu) [Necessary Clarification (Letter to the Editor)]. *Obshchina: sotsial'no-revolutsionnoe obozrenie (Zheneva)*. 8-9. pp. 1.
22. Anon. (1907) *Revolutsionnaya zhurnalistika semidesyatykh godov* [Revolutionary Journalism of the Seventies]. Rostov on Don: Donskaya rech'.
23. Stefanovich, Ya. (1879) Nashi zadachi na sele (pis'mo v "Obshchina") [Our Tasks in the Village (Letter to "Obshchina")]. *Obshchina: sotsial'no-revolutsionnoe obozrenie (Zheneva)*. 8-9. pp. 33–38.
24. Repnikov, A.V. & Milevskiy, O.A. (2011) *Dve zhizni L'va Tikhomirova* [The Two Lives of Lev Tikhomirov]. Moscow: Academia.
25. Deich, L.G. (1921) *Dmitriy Aleksandrovich Klements*. Petrograd: Gosizdat.
26. Troitskiy, N.A. (2002) *Krestonostsy sotsializma* [Crusaders of Socialism]. Saratov: Saratov State University.
27. Tvardovskaya, V.A. (1959) Krizis "Zemli i voli" v kontse 70-kh godov [The Crisis of "Zemlya i Volya" in the Late 1870s]. *Istoriya SSSR*. 4. pp. 60–74.
28. Tkachenko, P.S. (1961) *Revolutsionnaya narodnicheskaya organizatsiya "Zemlya i volya"* [The Revolutionary Narodnik Organization "Zemlya i Volya"]. Moscow: Vysshaya shkola.
29. The Russian National Library. The Plekhanov House Archive (RNB ADP). Fund 1097. List 1. File 126.
30. Morozov, N.A. (1961) *Povesti moyey zhizni* [Tales of My Life]. Vol. 2. Moscow: USSR AS.
31. Figner, V.N. (1964) *Zapechatlennyy trud. Vospominaniya: v 2 t.* [Labor Perfected. Memoirs: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
32. Zayonchkovskiy, P.A. (ed.) (1968) *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1870–1880 gg.* [The Peasant Movement in Russia in 1870–1880]. Moscow: Sotsekgiz.
33. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. File 262. Part 2.
34. Aptekman, O.V. (1924) *Obshchestvo "Zemlya i volya" 70-kh gg. po lichnym vospominaniyam* [The "Zemlya i Volya" Society of the 1870s from Personal Memoirs]. Petrograd: Kolos.
35. Popov, M.R. (1933) *Zapiski zemlevoletsa* [Notes of a Zemlevolets]. Moscow: Izd-vo Vsesoyuz. o-va politkatorzhan i ssyl'noposelentsev.
36. Serebryakov, E.A. (1906) *Ocherk iz istorii "Zemli i voli"* [An Essay from the History of "Zemlya i Volya"]. St. Petersburg: Svobodnyy trud.
37. Ginev, V.N. (ed.) (2021) *Iz istorii "Zemli i voli" i "Narodnoy voli": spory o taktike* [From the History of "Zemlya i Volya" and "Narodnaya Volya": Disputes over Tactics]. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo.

Сведения об авторе:

Милевский Олег Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории исторических исследований Сургутского государственного педагогического университета (Сургут, Россия). E-mail: olegmilevsky@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Milevsky Oleg A. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Historical Research, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Federation). E-mail: olegmilevsky@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.10.2023; принята к публикации 01.08.2025

The article was submitted 23.10.2023; accepted for publication 01.08.2025